

«Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии

Тандыг Керимов

Доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: ул. Мира, 19, Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: kerimovt@mail.ru

В последние десятилетия наблюдается значительный рост количества исследований в социальных науках, содержание и направленность которых описывается как «онтологический поворот». Эти исследования ставят своей главной задачей формирование новой социальной онтологии. В статье раскрываются основные принципы и содержание новой социальной онтологии, выявляются спорные моменты, присущие подобному способу ее обновления, и формулируются ориентиры возвращения эпистемологии для преодоления нежелательных последствий «онтологического поворота». Критика «онтологического поворота» и обоснование возвращения эпистемологии аргументируются следующим образом. В первом разделе статьи рассматриваются две возможности построения социальной онтологии — эссенциалистской, характерной для мейнстримсоциологии и «плоской онтологии» сборки. Во втором разделе дается критический анализ трех последствий «онтологического поворота»: проблематизации идеи автономного социального; нейтрализации априорно-онтологического обоснования социальных исследований; отрицания реального за пределами сборки. В третьем разделе последствия «онтологического поворота» рассматриваются в контексте текущей дискуссии о роли онтологии в социальных науках, которая выражается в противопоставлении априорно-онтологического и инструментально-прагматического обоснований социальных исследований. Для преодоления нежелательных последствий «онтологического поворота» и тенденции к раздвоению между априорным онтологизмом и инструментальным прагматизмом формулируются ориентиры возвращения эпистемологии: «недоопределенность» реальности теориями; эпистемологическое различие между понятийной и онтологической реальностью объекта; равенство (ко-вариация) онтологии и эпистемологии.

Ключевые слова: мейнстримсоциология, эссенциализм, «плоская онтология», сборка, актуализм, недоопределенность реальности, эпистемологическое различие

В последние десятилетия понятие онтологии стало предметом оживленных дискуссий в социальных науках. «Онтологический поворот» стал собирательным термином, обозначающим их содержание и направленность (Wan, 2011: 17). В 90-х годах прошлого века этот поворот носил спорадический характер и воспринимался как реакция на конструктивистскую «деонтологизацию реальности», но уже в начале XXI столетия потребность в онтологии и необходимость ее обновления

становятся определяющей чертой социальных наук (Pellizzoni, 2015: 72). Это обновление осуществляется посредством исследований, независимых друг от друга и тем не менее, по крайней мере частично, параллельных, связанных с акторно-сетевой теорией, новым материализмом, концепциями со-производства, теорией сборки, агентным реализмом, критическим реализмом (если ограничиться наиболее показательными направлениями). В конечном счете за всеми этими исследованиями стоит задача построения новой социальной онтологии, преодолевающей социальный конструктивизм и эссенциализм мейнстримсоциологии в пользу подхода, который непосредственно касается природы и структуры социальной реальности как она есть. Наша главная цель в этой статье — раскрыть основные принципы и содержание новой социальной онтологии, а также выявить спорные моменты, присущие подобному способу ее обновления. На базе этого прояснения нами выдвигается гипотеза о необходимости сохранения эпистемологического анализа, который соответствовал бы сложности новой социальной онтологии и был бы способен перевести ее в обоснованные теоретические и эмпирические объяснения.

Статья начинается с критического анализа двух представлений социальной онтологии — эссенциалистской онтологии мейнстримсоциологии и «плоской онтологии» сборки, разрабатываемой в рамках «онтологического поворота». Более того, и что не менее важно, такой анализ может служить отправной точкой для исследования двух различных трактовок социального. Во втором разделе дается критический анализ принципиальных последствий «онтологического поворота», которые проблематизируют как саму возможность социальной онтологии, так и дисциплинарный статус социологии. Далее мы рассмотрим последствия «онтологического поворота» в контексте текущей дискуссии о роли онтологии в социальных науках, которая обнажает общую проблему онтологического и эпистемологического релятивизма постпозитивистской социальной теории. Для преодоления нежелательных последствий «онтологического поворота» формулируются ориентиры эпистемологической оценки адекватности требований к знаниям.

Сделаем два замечания, чтобы просто обозначить границы нашего исследования. Для того чтобы избежать возможных недоразумений, мы хотели бы подчеркнуть, что хотя данная статья написана на материале социологии, сама онтологическая переориентация является широким теоретико-методологическим движением, возникшем для обсуждения проблем, волнующих многие социальные науки — экономику, антропологию, политологию и т. д. (Gullinon, 2018; Holbraad, Pedersen, 2017; Lawson, 2003; Pellizzoni, 2015). Кроме того, в статье особое внимание мы уделяем наиболее характерным проектам «онтологического поворота» в социальных науках, учитывая значительный объем теоретических и философских дискуссий, им посвященных. Она не будет настаивать на очевидных важных отличиях этих проектов больше, чем это строго необходимо, поскольку наша цель — обратиться к тем концептуальным обязательствам, которые они разделяют, и к тем последствиям, к которым они приводят.

Две возможности построения социальной онтологии

До 1990-х годов прошлого столетия термин «онтология» принадлежал исключительно философскому словарю и представлялся чуждым социальным наукам. Даже у их склонных к высоким абстракциям теоретиков вряд ли можно найти какую-то связную систему онтологической аргументации. Наоборот, все происходит так, будто социальные науки пренебрегают онтологическими вопросами или рассматривают их как производные или второстепенные. Можно выделить две основные причины подобного пренебрежения. С одной стороны, подозрительное отношение к онтологии вызвано тем, что она традиционно отождествляется, пусть даже и опосредованно, с метафизикой, недоверие к которой являлось отличительной чертой формирующихся наук об обществе. Социальные науки должны были ограничиться описанием реальных и наблюдаемых событий и избегать метафизических способов обоснования знания. Изучение вещей самих по себе, бытия, субстанции — это проект не только чуждый, но и губительный для социальных наук: К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер сходятся в этом вопросе, несмотря на все их эпистемологические различия. С другой стороны, и это главное, если не может быть и речи об онтологической аргументации, то только потому, что социологическое теоретизирование сосредоточивается на само собой разумеющейся «социальной онтологии», а именно на внутренней природе всегда уже данной социальной реальности, не ставя под сомнение ее существование. В результате этого в большинстве концепций мейнстримсоциологии основное внимание уделяется эпистемологической проблеме, например, как возможна наука об обществе, т. е. каковы условия ее возможности. Преобладающий интерес к вопросам эпистемологического характера не менее очевиден и тогда, когда задача состоит в построении позитивной картины общественной жизни, но обязательно соизмеряемой с условиями возможности научного анализа. Мейнстримсоциология могла предложить разные, а иногда и совершенно противоречащие друг другу аналитические перспективы, но она не ставила под сомнение существование автономной, самодостаточной социальной реальности и сосредоточивалась на ее описании.

Мы здесь ограничимся тем, что отметим основные принципы характерной для мейнстримсоциологии имплицитной онтологии, чтобы вычленив ее содержание и лучше очертить ее пределы. Решающим принципом данной онтологии является субстантивизм/эссенциализм. Последний выделяет особый элемент, субстанцию в социальности («производство» у К. Маркса, «социальные факты» у Э. Дюркгейма или «социальные действия» у М. Вебера) и наделяет ее статусом объяснительного принципа или аналитической первопричины. То есть данная субстанция получает привилегию основания, сущности, или, если угодно, «всеобщего эквивалента» социального. В этой перспективе все объекты рассматриваются исследователем в качестве проявлений единой социальной сущности. Более того, благодаря этому основанию обеспечивается внешняя и внутренняя определенность социального. Во-первых, эссенциализм способствует онтологической идентификации социаль-

ного, его отграничению от других сфер реальности, например, от природы. Во-вторых, даже если социальное и признается в некотором отношении внутренне разделенным, неопределенным и динамичным, тем не менее рассматривается как обладающее сущностной общностью, преодолевающей все различия и множественности. Но субстантивизм/эссенциализм — это лишь необходимое, но недостаточное условие онтологии социального. Поскольку последняя в своем первом принципе предписывает в определенном смысле все понимать в качестве проявлений единой сущности, второй принцип редукционизма требует сведения всего многообразия социального к данной сущности. Но редукционизм в свою очередь возможен благодаря устранению своеобразия объектов, в результате которого они лишаются своей индивидуальности, неповторимости, потенциальности и тем самым уравниваются между собой, что и позволяет индивидуальные различия редуцировать к единой сущности.

Эссенциализм характеризует не только раннюю социологию. Мы уже упоминали «социальные факты» Э. Дюркгейма или «социальные действия» М. Вебера. Эссенциализм преобладает и в более поздних теоретических подходах — в макро-, микро-, мезосоциологических описаниях социального, когда последнее редуцируется к структурам (в структурализме, структурном функционализме), к рутинам и категориям повседневной жизни (в феноменологической социологии, этнометодологии и т. д.), к срединным факторам, опосредующим отношения микро- и макросоциального, — к практикам (Э. Гидденс), к габитусам (П. Бурдьё), к коммуникациям (Ю. Хабермас). Э. Дюркгейм, М. Вебер или П. Бурдьё предлагают исключающие друг друга социальные онтологии, но они сходятся в определении довольно четких границ социального. Это означает, что социальным явлениям можно приписывать разные качества и причинные механизмы, одновременно разделяя идею существования автономного, самодостаточного социального в структуре реальности.

Безусловно, подобная попытка сведения имплицитной онтологии мейнстрим-социологии к определенному числу принципов может показаться чрезмерно упрощенной. Но мы выделяем данные принципы не в качестве оправдания воображаемой идентификации целой социологической традиции, а как ее направляющую, регулирующую идею, без которой невозможно обосновать дисциплинарную определенность социологии как науки. Разумеется, социология формируется и развивается в результате взаимодействия множества независимых онтологических ориентаций. Приведем два примера. Хорошо известна оппозиция Габриеля Тарда социальной онтологии Э. Дюркгейма. Но Габриель Тард предлагал не просто альтернативную социальную онтологию. Его социология была основана скорее на космологической, чем на социальной онтологии (Делез, 1998: 102). Теория самореференциальных систем Н. Лумана также стирает границы социального, постулируя фундаментальную качественную общность между организмами, психическими и социальными системами. Онтология самореференциальных систем — это онтология не субстанции или сущности, а различий: система развивает свою

идентичность посредством различения (Luhmann, 2006: 41). Как мы увидим, данные онтологические ориентации в модифицированных формах предвосхищают, по крайней мере, в некоторых важных отношениях, актуальные версии «онтологического поворота».

Кроме того, надо принять в расчет, что эссенциализм мейнстримсоциологии подвергается критике и в социальном конструктивизме (и в целом в постструктурализме). Последний подчеркивает более сложный характер социальной реальности, ее несводимость к каким-либо сущностям, но, будучи частью культурного или лингвистического поворота, выдвигает на первый план текстуальный и дискурсивный анализ. Идея опосредованности реальности всевозможными дискурсивными образованиями — языком, текстом, культурными репрезентациями и символами — блокирует всякий доступ к ней: «социальное конструирование реальности — это не социальное конструирование всей реальности, а социальное конструирование социальной реальности» (Kissmann, van Loon, 2019: 12).

В противоположность мейнстримсоциологии и социальному конструктивизму некоторые характерные направления «онтологического поворота» постулируют антиэссенциалистскую «плоскую» или «монистическую» онтологию (Fox, Alldred, 2017: 7; DeLanda, 2002: 47; Латур, 2014: 232; Брайант, 2019: 251–298)¹. Уплотнение онтологии происходит благодаря запрету на любые предварительные решения о природе реального, которые могли бы повлиять на сами объекты: «Мы не должны, как в старой спекулятивной метафизике, решать, как будет обустроена вселенная, а только определиться с оснащением, инструментами, полномочиями, компетенциями» (Латур, 2018: 156). Любые предположения о природе реального должны быть обоснованы на локальном уровне, причем самими акторами — человеческими и нечеловеческими: «единственно продуктивный лозунг — „идите за акторами“» (Латур, 2014: 313), за тем, что они делают, говорят или пишут.

Отныне никакая субстанция не может рассматриваться в качестве сущности социального. Ни одно понятие, которое до сих пор в социологии представлялось онтологической субстанцией/сущностью, не может быть использовано для обоснования социального: «Ни действие, ни актор, ни взаимодействие, ни индивид, ни символ, ни система, ни общество, ни их многочисленные сочетания» (Латур, 2007: 91). В отсутствие субстанции/сущности социального все объекты получают одинаковый онтологический статус. Устраняются любые априорные различия между культурой и природой, субъектом и объектом, человеческим и нечеловеческим. Утверждается безусловное их равенство без общей меры, или критерия, их сопоставления и сравнения.

1. Нужно уточнить, что рассматриваемые нами авторы (прежде всего М. ДеЛанда и Б. Латур, но и Л. Брайант, Г. Харман) разрабатывают свои версии «плоской онтологии», исходя из разных традиций и предположений. И все же они сходятся в нескольких важных аспектах: стирают границы социального, провозглашая открытую онтологическую вселенную; постулируют безусловное равенство объектов, их одинаковый онтологический статус; аксиоматизируют множественность, плюральность социального.

Поскольку «плоская онтология» нейтрализует априорные решения о природе реального, ей нужно «определить некий прожиточный минимум, „метафизический МРОТ“» (Латур, 2018: 80), «величина» которого выводится из принципа ирредукционизма: «Ничто само по себе ни редуцируемо, ни нередуцируемо ни к чему» (Latour, 1988: 158). Логика «двойной связи» уравнивает два противоречащих друг другу утверждения редукции и нередукции: ни один объект не может быть полностью редуцирован к любому другому объекту или множеству объектов; любой объект частично может быть редуцирован к любому другому объекту или множеству объектов. Для прояснения этой логики нужно обратить внимание на то, что любой объект — это не субстанция, а множество, состоящее из множеств, состоящих из множеств, и так до бесконечности. Поскольку объекты — это не субстанции, невозможно редуцировать их к некоторой метафизической сущности, следовательно, невозможно объяснить их заранее. Но поскольку каждый объект состоит из множества других объектов, части этого объекта могут быть редуцированы к частям другого объекта. Первая часть принципа ирредукционизма блокирует тотализацию социального и операционализирует множественности, вторая его часть предписывает неограниченное связывание и коммуникацию объектов-множеств: «ничто ни к чему не сводится, ничто не выводится ни из чего другого, все может сочетаться со всем» (Latour, 1988: 163). Вместо двумерного плана эссенциалистской онтологии, в которой объекты являются всего лишь эффектами или выражениями единой сущности, имеется безусловная и абсолютная, но конечная сочетаемость объектов-множеств.

В «плоской онтологии» первичной реальностью являются сборки (сети, ассоциации, множества, машины, социоматериальности — термины, обозначающие, по сути, одно и то же понятие)². Сборки определяются и характеризуются «отношениями экстерииорности»: «компонент сборки может быть изъят из нее и помещен в другую сборку, в которой его взаимодействия будут иными» (DeLanda, 2006: 10). Например, компонент может стать «обучающимся телом», когда он является частью сборки, в которой взаимодействие с другими «обучающимися телами» определяют возможности сборки-школы или сборки-колледжа. Но включенное в другую сборку «обучающееся тело» проявляет совершенно иные способности (например, «работника» или «любовника»), когда оно взаимодействует с другими телами в сборке «рабочее место» или сборке «сексуальные отношения» (Fox,

2. Можно выделить две версии «плоской онтологии»: онтология процесса (Ж. Делез, М. ДеЛанда, Б. Латур) подразумевает различия, текучесть и отношения; онтология объекта (Л. Брайант, Г. Харман) делает акцент на стабильности и структуре. Но даже при таком рассмотрении М. ДеЛанда занимает промежуточную позицию, поскольку он, в отличие от Б. Латура, рассматривает сборки как контингентные, но исторически структурированные объекты, состоящие из других сборок. Кроме того, он использует концепцию эмерджентности для объяснения свойств сборок, которая сближает его с критическим реализмом и Г. Харманом (DeLanda, Harman, 2017: 23). В пользу этого сближения говорит и тот факт, что М. ДеЛанда разрабатывает стратификационную модель сборки: измерения территориализации и кодирования призваны показать тенденцию стабилизации сборок в определенных формах и таким образом объяснять их устойчивость во времени.

Allred, 2017: 37). Таким образом, социальное представляется в виде гетерогенной сети вложенных друг в друга сборок. Всякая сборка располагается в *medias res*, на линии восходящих и нисходящих частично пересекающихся сборок. Не существует ни верхнего, ни нижнего предела для множества, и ни один уровень, будь то макро-, микро- или мезо-, не может считаться более реальным или решающим, чем другие.

Антиэссенциализм влечет за собой утверждение гетерогенности, множественности социального, его несамодостаточность, размывание его границ. В такой социальности отношения между «частью» и «целым», «микро» и «макро» носят гетерархический характер (Kerimov, Krasavin, 2020: 1299). Целое — это целое частей, но оно их не объединяет; оно добавляется к ним как новая дополнительная часть: «целое производится... оно произведено в качестве части наравне с другими частями... оно не объединяет и не делает целым — наоборот, оно прилагается к ним» (DeLanda, 2016: 9). Поскольку любое движение сборки вызывает и выражает преобразование целого, последнее не совпадает с тотальностью или закрытостью, оно всегда открыто. Фундаментальной модальностью целого является непрерывное изменение или порождение чего-то нового. «Макро» не включает в себя «микро», оно ни выше, ни ниже взаимодействий, а «добавляется к ним как *еще одна* связь, подпитываемая ими и подпитывающая их» (Латур, 2014: 249). Если всякое множество состоит из множеств, которые в свою очередь состоят из множеств, и так до бесконечности, тогда в таких множествах отсутствует место интеграции, соединения, объединения, т. е. место целого. «Понятие „макро“ уже описывает не *более широкое* или *более обширное* место, куда на манер русской матрешки вставляется „микро“, а другое, такое же локальное и такое же „микро“-место, *связанное* со множеством других мест» (Латур, 2014: 245).

«Онтологический поворот» ставит немало проблем и несет в себе довольно много двусмысленностей, которые серьезно осложняют возможности обновления социальной онтологии. Поэтому следующий раздел статьи мы посвятим выявлению основных спорных моментов, присущих, как нам кажется, подобному способу обновления социальной онтологии, происходящих главным образом из позиции, нацеленной на размывание границ автономного социального, проблематизацию самой этой идеи.

Онтология сборки и ее границы

Прежде всего следует отметить удивительную двусмысленность, на которой покоится «онтологический поворот» в социальных науках: по иронии судьбы обновление онтологии происходит ценой антиреалистского признания полной, предельной конечности, а следовательно, и всеобщего соответствия реального и наших познавательных возможностей. Каждый объект является тем, что он есть. Все объекты покоятся на одном и том же основании: и большие, и маленькие, как человеческие, так и нечеловеческие. В силу абсолютной конкретности объекта его

реальность обнаруживается не в какой-то сущности или субстрате, а в его совершенно определенном месте в мире с совершенно определенными ассоциациями, или сборками, в любой данный момент. Все имманентно миру; ничто не выходит за пределы конечного и актуального. В любой данный момент объект полностью актуализирован, встроен без остатка в текущую связь сборки. Р. Бхаскар называет подобное представление онтологии «актуализмом» (Bhaskar, 2008: 54).

Для прояснения этой двусмысленности нужно обратить внимание на то, что если вопрос об обновлении онтологии совпадает с классическими вопросами о реальности, объективности социальности, то он совпадает с ними постольку, поскольку они сформулированы в социальных науках довольно парадоксальным образом: «онтологический поворот» в социальных науках исключает само понятие социальной онтологии со всеми сопутствующими предметностями социального, социальной реальности, объективности социальности. Данное замечание имеет точное содержание: поворот к онтологии в социальных науках подразумевает главным образом преодоление онтологического фундаментализма с целым рядом понятий эссенциализма, субстанциальности, причинности, которые и выступали определениями реальности, объективности социального. То есть необходимым условием обновления онтологии становится отказ именно от тех понятий, референциальная определенность которых и обеспечивала состоятельность социальной онтологии.

Причины подобного онтологического обесценения очевидны. Понятие социальной онтологии имеет смысл только при условии признания существования социального с четко определенными границами. Для того чтобы определить социальное, мы должны выявить его границы и тем самым отличить его от того, чем оно не является. Задаваемые эссенциализмом мейнстримсоциологии ориентиры постулируют существование самотождественной, автономной, самодостаточной социальности и ее отличие, например, от природы. Но понятия социального и социальной онтологии утрачивают свою значимость и становятся проблематичными в тот момент, когда существование их границ и, соответственно, автономии ставится под сомнение, когда устанавливаются отношения пересечения или даже общности между различными онтологическими областями. Поэтому неудивительно, что в «плоской онтологии» общество представляет собой не что иное, как ошибочное с аналитической точки зрения определение большого числа взаимосвязанных сборок: «В плоской онтологии индивидуальных сущих нет места для реифицированных тотальностей, особенно для „общества“ или „культуры“ вообще» (ДеЛанда, 2017: 43). Акторно-сетевая теория выдвигает еще более радикальное требование: «Общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет, *а есть переводы между посредниками, которые могут порождать прослеживаемые ассоциации*» (Латур, 2014: 153). Это требование, олицетворяющее то, что Б. Латур

называет «социологией ассоциаций», обнажает конститутивный лейтмотив «онтологического поворота»: единое не есть, существуют множества³.

Как только социальное лишается автономии и объективного существования, остается неограниченное количество объектов-множеств, которые признаются реальными, но только в пределах корреляционной связи с конечностью нашего познания. Социальному теоретику остается только прославлять объекты во всей их множественности, лишив себя возможности любого дальнейшего понимания этой множественности, помимо констатации ее простого присутствия. «Плоская онтология» отвергает любые ограничения во имя фундаментальной множественности реального и не видит различий между отдельными объектами. Одинаковый онтологический статус объектов до странности легко преобразуется в «насыщенную имманентность»: «Все остается внутри, без всякой надежды на выход... даже когда мы говорим о глобализации, сетях, потоках и гибридизации, кажется неизбежным, что у всего есть место, идентичность, временное местоположение, переносимая субстанция и строгая территория, которые усиливают идею насыщенной имманентности в ущерб всем экзистенциальным разделениям» (Neyrat, 2018: 4–5). Если мы отрицаем не просто иерархию объектов, но и внутренние различия между ними, то тогда мы остаемся с нейтральным, безразличным, бесформенным и некатегориальным миром, исключаящим саму возможность различия.

В «плоской онтологии», как уже было сказано, первичной реальностью являются сборки (ассоциации, сети), и основная задача состоит в разработке ее концепции, как исчерпывающей, так и непротиворечивой. Но различные определения сборки, которые лежат в основе этих концепций, объединяет тенденция к номинализму и отказ от общих онтологических спекуляций. Отсюда их принципиально негативный характер: они стремятся представить бесконечную серию возможных определений и расширений в соответствии с потребностями эмпирического исследования, но в конце концов довольствуются либо бессодержательными тавтологиями, либо общими гипотезами. Рассмотрим один пример. Н. Фокс и П. Олдред описывают «сборку-поцелуй» двух лиц, А и В, которая включает в себя «как минимум» (подчеркивают авторы) следующие компоненты: «Губы А — губы В — прошлый опыт и обстоятельства — социальные и сексуальные нормы — личные качества А и В (например, физические характеристики, личность, работа, запахи и вкусы) — свидания — непосредственные материальные контексты» (Fox, Alldred, 2017: 100). Но даже если согласиться с таким описанием «сборки-поцелуя», сомнительно, что подобная «инвентаризация», перечисление ризоматически умножающихся компонентов, поможет нам определить, например, сборку-капитализм или

3. Справедливости ради надо заметить, что в своих последних работах Б. Латур, пытаясь выйти из тупиков акторно-сетевой теории, разрабатывает мультиреалистскую онтологию модусов существования (политика, право, мораль, религия, технология и т. д.). Модусы существования историчны, обладают собственными условиями истинности, сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. Б. Латур, возможно признавая критику «плоской онтологии», описывает механизмы, позволяющие не только отслеживать сети связей между человеческими и нечеловеческими акторами, но и различать и объяснять типы соединений и ассоциаций между модусами (Latour, 2013).

сборку-Французская революция. Кроме того, данный пример показывает противоречивость понятия сборки как базовой онтологической единицы, поскольку оно обречено на переход от неявно ограничивающего определения (в силу временного единства и наличия какого-то содержания, как в примере со «сборкой-поцелуем») к конкретным приложениям, которые размывают его границы, растворяя его до неузнаваемости. В самом деле, поскольку за пределами данной сборки могут быть только другие сборки и, следовательно, невозможно определить, являются ли они внешними или внутренними в отношении рассматриваемой сборки, сама возможность ее идентификации представляется принципиально невозможной.

Неопределенность понятия сборки, безусловно, является камнем преткновения для «онтологического поворота». Непосредственное следствие этого тупика, а именно девальвация реального, еще более проблематично. Если мир состоит из сборок, в которых материальные вещи неразрывно связаны с исторически обусловленными человеческими, субъективными представлениями о них, существует ли реальное за пределами этих сборок? Актуализм «плоской онтологии» неизбежно влечет за собой то, что Р. Бхаскар называет «эпистемической ошибкой», согласно которой утверждения о бытии могут быть редуцированы к утверждениям о знании: «Идея о том, что бытие всегда можно анализировать с точки зрения нашего знания о бытии, что для философии достаточно „рассматривать только сеть, а не то, что ею описывается“, приводит к систематическому разрушению идеи мира (которую я здесь метафорически характеризую как онтологическую область), независимого от науки, но исследуемого ею. И это проявляется в запрете любых трансцендентных сущностей» (Bhaskar, 2008: 26–27).

Д. Элдер-Васс показывает на основе «разборки» акторно-сетевой теории, как эта «ошибка» получила у Б. Латура и Дж. Ло поразительное выражение через взаимосвязь актуализма и антиреализма: «„Внешнее“ не существует, пока оно не будет идентифицировано и описано. Таким образом, отрицается существование, независимое от нашего знания о нем» (Elder-Vass, 2008: 461). Несколько приведенных им примеров демонстрируют, что отрицание независимого реального полностью согласуется с онтологией сборки. Когда Галилей наблюдает и объясняет фазы Венеры, возникает новая сборка, потому что она включает в себя не только то, что привычно рассматривается в качестве независимого астрономического явления, но и объяснение Галилея, самого Галилея и новые телескопические методы, необходимые для их наблюдения. «Реалист мог бы сказать, что в 1600 году существовали сами фазы Венеры, но не человеческое знание о них. Но Латура кажется, что этот реалистский разговор уже включает в себя время самого разговора, и он не желает допустить, что мы можем говорить о референте (в данном случае о времени в прошлом), имеющем независимую от акта обращения значимость» (Elder-Vass, 2015: 109). Аналогичные аргументы можно обнаружить и в ряде других случаев, включая несуществование ферментов до их открытия Пастером или утверждение, что мы не можем сказать, что Рамзес II умер от туберкулеза, поскольку такого заболевания не существовало в Древнем Египте.

Отрицание независимого от сборки внешнего реального наблюдается и в отношении социальных явлений: «Для социологов ассоциаций любое исследование любой группы любым социологом — это часть того, что определяет существование группы, ее сохранение, распад и исчезновение. В развитом мире нет такой группы, к которой бы ни был прикреплен хоть какой-нибудь инструмент социологического исследования» (Латур, 2014: 51). Здесь речь идет не том, что теории и результаты социологических исследований встраиваются в описываемые явления и изменяют их. Латур заявляет, что любое исследование социальной группы является частью ее существования независимо от того, насколько оно влияет на ее поведение. То есть «социальная группа не существует отдельно от наших описаний, а то, что мы называем социальной группой, представляет собой сборку, состоящую как из референта, так и из референций» (Elder-Vass, 2015: 108).

Центральная проблема «онтологического поворота» может быть резюмирована следующим образом: помимо неоспоримых последствий, которые влечет за собой «онтологический поворот» в социальных науках, предложенное «плоской онтологией» обновление не предусматривает или даже отрицает возможность самостоятельного онтологического обоснования природы и структуры социальной реальности, которое затем должно было бы развиваться в интерактивном режиме параллельно с конкретным предметным исследованием. Следовательно, некоторые особенно характерные направления «онтологического поворота» не предлагают онтологию, необходимую как для обновления социальной онтологии, так и для поддержки их собственных исследовательских проектов. Кроме того, «плоская онтология» структурно не способна придать содержание понятию реальности за пределами сборки, обеспечиваемому практиками и конкретными контекстами ее функционирования.

Возвращение эпистемологии

В связи с таким обесценением социального, нейтрализацией его априорно-онтологического обоснования возникает ряд вопросов: какова онтологическая «система координат», в соответствии с которой определяются «единицы» социального анализа? Существует ли вообще такая «система координат»? Является ли она универсальной, а если меняется, то по какой логике? Постановка этих вопросов, по сути, выводит исследование и его перспективы в плоскость текущей дискуссии о роли онтологии в социальных науках, которая выразилась, в частности, в противопоставлении априорно-онтологического и инструментально-прагматического обоснований социальных исследований (Lohse, 2017: 7; Lauer, 2019). В наши намерения не входит обсуждение дискуссии в целом, мы остановимся лишь на принципиальных ее установках, наиболее существенных для наших целей.

Аргумент о том, что социальную реальность невозможно объяснить, не уделяя должного внимания ее онтологическому обоснованию, является одним из наиболее характерных утверждений критического реализма. Основной упрек

критического реализма, адресованный конструктивистским, постмодернистским и интерпретативным подходам, состоит именно в отсутствии в них подобного обоснования практики научного исследования и формы научного познания. Однако онтологическое обоснование будет полагаться не на устаревшие позитивистские представления о научной деятельности, а на реалистские принципы, установленные в анализе естествознания Р. Бхаскаром (Bhaskar, 2008). С точки зрения критического реализма поиск универсальных закономерностей не может быть целью научной деятельности, поскольку события не следуют друг за другом в неумолимой последовательности причин и следствий, будучи детерминированы множеством влияний. В этом и заключается смысл научного эксперимента, позволяющего изолировать работу определенной структуры, контролируя или исключая другие влияния. Отсюда и необходимость в онтологическом различии между нетранзитивными объектами, или порождающими механизмами, с одной стороны, и событиями, с другой (Bhaskar, 2008: 11–14). Необходимость в экспериментальной деятельности вызвана тем, что порождающие механизмы неактивны, могут находиться в состоянии покоя или прикрываться другими объектами или порождающими механизмами. Именно потому, что порождающие механизмы могут быть вне связи с событиями, необходимо проводить эксперименты в закрытых системах, в которых отношение между первыми и вторыми становится более чем очевидным.

Но возникает важный вопрос: возможно ли локализовать нетранзитивные объекты в социальных науках? Социологические исследования происходят в «открытой системе», т. е. в ситуации, когда регулярности случайны и не могут быть установлены искусственно. В результате ключевая задача критического реализма заключается в разработке метода выявления нетранзитивных объектов или порождающих механизмов в области социального. Без такого метода научная обоснованность социального исследования становится спорной.

Предложение Д. Элдер-Васса, опирающегося на работы Р. Бхаскара и М. Арчер, состоит в том, чтобы приспособить общую онтологию эмерджентизма, заимствованную из области естественных наук, к объяснению социальных явлений⁴. В основе общей онтологии эмерджентизма, выраженной в мереологических терминах, лежит идея о том, что взаимодействующие части целого производят эмерджент-

4. Проблема онтологического обоснования научного исследования в равной мере, а возможно и острее, встает в «плоских онтологиях». Но поскольку в них запрещены априорные решения о природе реального, то здесь возникает чрезвычайная двусмысленность. Б. Латур предлагает онтологию 15 модусов существования, которые распределяются по пяти группам и определяются с помощью четырех критериев (Latour, 2013: 488–489). Но это не априорная онтологическая система, а следствие и инструмент эмпирической работы в областях науки, технологии, политики, религии и т. д. Апофатическая онтология объектов Г. Хармана очерчивает определенные формальные или структурные характеристики объектов в целом, но не в состоянии отличить реальные качества объектов от их случайных, или чувственных, качеств (Харман, 2015). То же самое справедливо и в отношении «онтокартографии» Л. Брайанта, в которой и математическое уравнение, и собака — это в равной степени машины, в том смысле, что они являются объектами, достигшими определенной степени внутренней консистентности и оперативной закрытости по отношению к внешней среде (Bryant, 2014).

ные свойства, т. е. каузальные силы, принадлежащие исключительно этому целому. Для критических реалистов подлинное научное объяснение — это объяснение с точки зрения каузальных механизмов. Конкретные явления можно объяснить после того, как определены порождающие их механизмы и каузальные силы. Если естественные науки объясняют природные явления таким образом, то логично предположить, что социальная онтология, способная идентифицировать части механизмов и каузальные силы, порождающие явления, значительно повысит объяснительные возможности социальных наук. Д. Элдер-Васс, по сути, разрабатывает своего рода универсальный каталог каузальных сил, действующих в социальной реальности, начиная с социальных структур (организаций и того, что он называет «кругами норм») и их эмерджентных свойств. Его оригинальность как раз и заключается в выявлении этих механизмов и присущих им каузальных сил, следовательно, в обосновании социально-научного объяснения. Структурные элементы общей онтологии эмерджентизма кратко сформулированы в следующем отрывке:

Сущности, состоящие из частей (которые сами по себе являются сущностями), организованные особыми отношениями между частями и обладающие эмерджентными свойствами благодаря этим отношениям. Чтобы объяснить эти сущности, отношения и свойства, нам необходимо определить механизмы, с помощью которых части и отношения производят свойства, морфогенетические причины, которые в первую очередь превращают эту совокупность частей в эту совокупность отношений, и морфостатические причины, которые сохраняют их в таком состоянии. И как только мы вооружимся этими элементами, мы сможем продолжить объяснение событий и, возможно, их регулярностей или частичных регулярностей, показывая, каким образом взаимодействия эмерджентных свойств или причинных сил соответствующих сущностей обуславливают актуальные события. (Elder-Vass, 2007: 230)

Разумеется, признание того факта, что исследование и онтология взаимосвязаны так, что мы не можем изучать какое-то социальное явление без онтологических обязательств относительно его природы и структуры, не требует каких-либо онтологических предписаний к практике эмпирического исследования. Можно согласиться с тем, что «все научные исследования должны проводиться на основе некоторых онтологических предположений (например, „мир существует независимо от исследователя“») и что онтология может как ограничивать, так и способствовать исследовательским проектам (Wan, 2012: 22). Но это совершенно не означает, что онтология гарантирует или обосновывает успешность исследования. Тем не менее в работах Д. Элдер-Васса универсальный каталог социальных сущностей с эмерджентными свойствами выступает именно в качестве подобной гарантии. Разумеется, никто не будет оспаривать ценность каталогизации социальных сущностей даже с учетом того, что она должна генерироваться итеративно, а ее результаты являются временными и преходящими, но вызывает сомнение именно

возможность фундаментальной и строго определенной спецификации «единиц» социальной реальности и их взаимоотношений.

В анализе эмерджентности кроется еще один пункт, вызывающий недоразумение. С одной стороны, эмерджентность рассматривается как фундаментальная характеристика социальности. Любое явление во взаимодействии с другими явлениями может формировать сущность с эмерджентными свойствами. При таком подходе эмерджентность обуславливает сложность и множественность социальной реальности, особенно если иметь в виду переплетение таких сущностей на уровне как целого, так и частей в рамках открытой социальной системы. С другой стороны, эмерджентность отождествляется со строго определенными типами социальных сущностей, состоящих из строго определенных частей и характерным типом отношений между ними. Неудивительно, что в конце концов онтологические обязательства в отношении сложности и множественности социальной реальности редуцируются к абстрактному каталогу социальных сущностей. Здесь нетрудно усмотреть возможные аналогии с эссенциализмом мейнстримсоциологии, пусть и в форме «умеренного эссенциализма», как в этом признается сам Д. Элдер-Васс (Elder-Vass, 2017: 92).

Инструментально-прагматическая альтернатива утверждает, что априорно-онтологическое обоснование не может гарантировать успех эмпирических исследований. Л. Цилипакос не исключает возможности систематизации онтологических сущностей, если только последнюю воспринимать не в качестве обоснования исследований, а скорее как методическое разъяснение понятий. Социальная реальность не нуждается в извне навязанном концептуальном порядке, даже если он заимствован из области науки. «Вместо того чтобы соглашаться с кажущейся самоочевидностью онтологических проектов, у нас нет причин не спрашивать, почему мы должны поддаваться мистификации и, что особенно важно, есть ли смысл сетовать на отсутствие какого-либо онтологического основания для социальных наук (или для любой другой формы исследования, если на то пошло), когда на самом деле теоретические процедуры... не обеспечивают и не могут обеспечить такое обоснование» (Tsilipakos, 2014: 771). С. Кемп, который, без сомнения, вторит Б. Латуру, утверждает, что онтологические характеристики социальной реальности невозможно идентифицировать до эмпирических исследований, отсюда их сомнительная ценность для регулирования последних. Онтологические обоснования критического реализма во многих отношениях убедительны в естественных науках, но их убедительность зависит от эмпирического (экспериментального) успеха научных аргументов, на которых они основаны. В области социальных наук онтология критического реализма не столь оправдана, поскольку полагается не на анализ успешных эмпирических исследований, а на определенные предположения здравого смысла о социальной реальности, которые невозможно синтезировать в непротиворечивую систему понятий (Kemp, 2005: 173). В некоторых отношениях О. Кивинен и Т. Пиироинен пошли в этом направлении еще дальше. Все онтологии реализма — как реляционные, так и эссенциалистские — представляют собой

результаты соглашений исследовательского сообщества по вопросам онтологии в контексте философской языковой игры. Соответствующие онтологии раскрывают не структуру реальности или необходимые условия научных исследований, а лишь априорные метафизические позиции их изобретателей: «Притворяться, будто эти позиции каким-то образом обеспечивают необходимую основу исследований, слишком часто ведут ни к чему иному, как к порочным кругам, к бесконечным битвам интуиций в ущерб методологически плодотворным дебатам, которые могли бы улучшить наши соционаучные практики» (Kivinen, Piirainen, 2006: 8).

Но если социальная онтология не может регулировать исследование, то как мы должны понимать ее роль? Этот вопрос обнажает общую проблему постпозитивистской социальной теории, связанную прежде всего с ее приверженностью к онтологическому и эпистемологическому релятивизму. Постпозитивизм — в отличие от позитивизма — допускает включение в социальную теорию онтологических предпосылок, благодаря которым восполняется брешь, создаваемая недоопределенностью, «недодетерминированностью» теории эмпирическими данными (Куайн, 2003: 45). То есть социальная теория включает в себя «сеть убеждений» (Куайн, 2003: 45), серию внутренне непротиворечивых положений о сверхисторических потенциалах исследуемых явлений, о фундаментальных процессах и свойствах, которые могут быть актуализированы в эмпирических условиях. Важно подчеркнуть, что онтологические предпосылки неопровержимы, поскольку формулируются безотносительно к их манифестации в эмпирических условиях. Именно теория призвана объяснить, каким образом социальные явления реализуют собственные онтологические потенциалы, и в отличие от онтологических предпосылок она эмпирически опровержима. С учетом данного различия — онтологической рефлексии, формирования теории и эмпирического исследования — формулировка онтологических предпосылок допускает широкий спектр возможностей развития социальных явлений, разработку множества различных субстантивных теорий, относящихся к одному и тому же предмету.

Но поскольку вопросы об эпистемологическом доступе к реальности и о самой реальности неотделимы друг от друга, т. е. эпистемология — это всего лишь локальная версия онтологии, не только онтологические предпосылки, но и концептуальные допущения, встроенные в требования к знаниям, так же как и критерии, согласно которым они оцениваются, оказываются имманентными предмету исследования и релятивизируются. Таким образом, исключается не только онтологический, но и эпистемологический фундаментализм, т. е. возможность определения общих критериев для оценки требований к знаниям, поскольку они устанавливаются в результате исторического развития исследовательских сообществ так, что последние имеют свои собственные критерии оценки требований к знаниям, более того, одно и то же сообщество может иметь разные критерии для разных видов знаний.

Критический реализм видит выход из тупиков постпозитивистского релятивизма в постулировании сущностей за пределами нашего онтологического и эпи-

стемологического доступа к миру. Он настаивает на том, что онтологическая аргументации является необходимой предпосылкой научного познания реальности и что эмпирические исследования помогают уточнить и конкретизировать ее. Но гетерогенность, контингентность и пластичность социальности допускают множество соперничающих теорий, так что ее онтология не может быть ни полной, ни окончательной. Цель социальной онтологии не может заключаться в поиске и обосновании элементарных сущностей социального. В то же время антифундаменталистская направленность эмпирических исследований без онтологических предпосылок представляется, во-первых, наивной, поскольку понятия и объяснительные структуры, используемые в этом исследовании, уже подразумевают какую-то, пусть и неявную, онтологию, во-вторых, догматичной, поскольку она странным образом привязана к позитивистской концепции познавательной деятельности, заключающейся в вере в непосредственно данное, во все то, что делают, говорят или пишут акторы-информанты. Онтология становится неотличимой от догмы: вместо того чтобы решать вопросы о том, как мы можем познать природу и структуру реальности, или определить, являются ли утверждения о мире истинными или ложными, достаточно ограничиться простым описанием непосредственно данного, практиковать «добровольную слепоту», как об этом заявляет Б. Латур (Латур, 2014: 82).

Конечно, возможность генерации «системы координат», пусть даже минимальной, в рамках которой мы могли бы начать говорить о социальной онтологии, остается открытым вопросом: как осмыслить само ее понятие, избегая нежелательных последствий «онтологического поворота» и не впадая в дилемму априорно-онтологического и инструментально-прагматического обоснований эмпирических исследований? Иными словами, что может служить ориентиром при формулировании такой онтологии? Если какой-нибудь теоретик, лучше осведомленный в перипетиях онтологического поворота в социальных науках, и должен поднять вопрос о роли онтологии, то три ориентира, объединенные под знаком возвращения эпистемологии, помогут лучше очертить ту область, в рамках которой можно вести дискуссию по поводу построения новой социальной онтологии.

Прежде всего это ориентир на гетерогенность и контингентность социального. Как мы уже предположили, первое, минимальное выражение этого ориентира в отношении к онтологии может быть сформулировано в терминах избыточности социального относительно любых его описаний. Этот ориентир представляет собой инверсию упомянутого нами принципа «недоопределенности» теории эмпирическими данными, выдвинутого У. В. О. Куайном, и выражает «недоопределенность» реальности теориями, т. е. ее избыточность относительно возможных описаний. Идея здесь состоит в том, чтобы исключить возможность тотализации, закрытия гетерогенного, контингентного социального. Таким образом удастся избежать эссенциализма, поскольку никакая форма систематизации, каталогизации сущностей не в состоянии кодировать избыточное социальное. Очевидным образом мы выходим здесь за пределы эссенциализированной социальной онтологии

и вступаем в множественную, контингентную реальность, ни одно из описаний которой не будет адекватным именно в силу того, что они являются единичными или частичными формами, выполняющими функцию репрезентации невозможной тотальности социального.

Второй ориентир состоит в постулировании эпистемологического различия между познанием и реальностью, понятийной реальностью объекта и его онтологической реальностью, по крайней мере, в достаточной степени, чтобы обеспечить критическую оценку и постоянный пересмотр первого от имени последней. Без эпистемологического различия все дискурсы о реальном оказываются в равной степени легитимными и несводимыми друг к другу. Радикально описательный подход не оставляет места для суждений относительно истинности объяснительных структур, нормативных суждений о желательности какого-либо конкретного результата. Эпистемологическое различие позволяет избежать «актуализма», сохранить пространство для априорного теоретизирования и категориального пересмотра, без отнесения его в отдельную или трансцендентную область реальности. С одной стороны, подобная перспектива предполагает онтологический монизм, т. е. имманентное и контингентное отношение познания к реальности. С другой стороны, такое представление ведет к установлению эпистемологического различия между ними, обеспечивающего критическое размышление о реальности, частью которой оно является.

Наконец, выдвижение онтологических аргументов о природе и устройстве реальности может осуществляться только в единстве с эпистемологическим обоснованием объяснительных структур. Если мейнстримсоциология редуцировала онтологию к абстрактным вопросам эпистемологии, то «онтологический поворот» демонстрирует очевидную тенденцию подчинить эпистемологию онтологии, постулируя догматическое единство реальности и познания. Представляется маловероятным построение социальной теории исключительно на онтологических предпосылках, не полагаясь на эпистемологические и эмпирические проверки. Равенство онтологии и эпистемологии гарантирует, что связь между ними постоянно оценивается, критически анализируется и пересматривается исследовательским сообществом. Многих недоразумений, присущих, например, акторно-сетевой теории, можно было бы избежать, если поставить их в контекст эпистемологических целей и вопросов. Эпистемологическое суждение из догматического становится регулятивным. Выразимся яснее: если эпистемологическое суждение является принципом рефлексии, то отношение между объяснительными структурами и реальностью не регулируется заранее, а их согласие, если такое возможно, может проявиться только как предположение и ни в коем случае как догматическое утверждение.

Возвращение эпистемологии не тождественно восстановлению концептуальных споров мейнстримсоциологии. Это, несомненно, трюизм, но о нем следует напомнить, чтобы предупредить некоторые недоразумения. За последние несколько десятилетий эпистемология значительно усложнилась, она обогатилась целой

историей (в том числе благодаря «онтологическому повороту»), исключающей возможность того, чтобы ее возвращение принимало форму возврата эссенциализма. С другой стороны, и это не менее важно, сегодня проблема эпистемологии встает перед нами в совершенно другом контексте. Преимущественный интерес к эпистемологии в мейнстримсоциологии был обусловлен необходимостью критики метафизики и самоопределения социальных наук. Если сегодня концепция эпистемологии должна быть создана заново, то только благодаря двойной критике эссенциализма мейнстримсоциологии и тупиков «онтологического поворота». Это смещение контекста в значительной степени меняет саму формулировку проблемы, и все это происходит в тех пределах, которые еще предстоит изучить.

Заключение

В этой статье мы размышляли о масштабах и границах «онтологического поворота». Включение онтологии в концептуальный и методологический аппарат социальных наук предоставляет им богатую и разнообразную палитру представлений, постулирующих гетерогенность и множественность социального. Отказ от априорно-онтологического обоснования социального ведет к чему-то вроде эпистемологического агностицизма и, как следствие, к теоретическому плюрализму, неспособному придать содержание понятию реального за пределами социальных практик.

«Онтологический поворот», будучи истолкован подобным образом, обнаруживает ряд ограничений, проистекающих главным образом из невозможности построения общезначимой концепции эпистемологии, соответствующей новой ситуации в социальной онтологии. Предложенные ориентиры построения новой социальной онтологии тесно связаны с эпистемологическими требованиями, роль которых состоит прежде всего в деконструкции и ограничении явных и неявных онтологических допущений в свете постулируемого объяснительного подхода, в оценке отношений между различными объяснительными подходами в социальных науках.

Признание границ «онтологического поворота» не снижает, с нашей точки зрения, привлекательности новых онтологий, которые тем не менее нуждаются в эпистемологических инструментах концептуализации адекватности и значения требований к знаниям. Перед социальными науками стоит задача разработки эпистемологических и методологических принципов, достаточно сложных и чувствительных в отношении достижений «онтологического поворота». Более того, в решении этой задачи они могут в равной степени использовать новые онтологии, потенциал которых все еще находится в тисках противоречий между эмпирической ортодоксией и формирующимися постэмпирическими альтернативами.

Литература

- ДеЛанда М. (2017). Новая онтология для социальных наук / Пер. с англ. М. Потапова и С. Гавриленко // Логос. Т. 27. № 3. С. 35–56.
- Делез Ж. (1998). Различие и повторение / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. СПб.: Петрополис.
- Куайн У. В. О. (2003). С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Латур Б. (2007). Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ.
- Латур Б. (2018). Политики природы: как привить наукам демократию / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Харман Г. (2015). Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс.
- Bhaskar R. (2008). A Realist Theory of Science. L.: Routledge.
- Bryant L. R. (2014). Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda M. (2002). Intensive Science and Virtual Philosophy. L.: Continuum.
- DeLanda M. (2006). A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum.
- DeLanda M. (2016). Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda M., Harman G. (2017). The Rise of Realism. Cambridge: Polity Press.
- Elder-Vass D. (2007). A Method for Social Ontology // Journal of Critical Realism. Vol. 6. № 2. P. 226–249.
- Elder-Vass D. (2008). Searching for Realism, Structure and Agency in Actor Network Theory // British Journal of Sociology. Vol. 59. № 3. P. 455–477.
- Elder-Vass D. (2015). Disassembling Actor-Network Theory // Philosophy of the Social Sciences. Vol. 45. № 1. P. 100–121.
- Elder-Vass D. (2017). Material Parts in Social Structures // Journal of Social Ontology. Vol. 3. № 1. P. 89–105.
- Fox N. J., Alldred P. (2017). Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action. L.: SAGE.
- Gullinon J. S. (2018). Diffractive Ethnography: Social Sciences and the Ontological Turn. L.: Routledge.
- Holbraad M., Pedersen M. A. (2017). The Ontological Turn: An Anthropological Exposition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kemp S. (2005). Critical Realism and the Limits of Philosophy // European Journal of Social Theory. Vol. 8. № 2. P. 71–191.

- Kerimov T. Kh., Krasavin I. V.* (2020). Ontology of the Multitude and Heterarchy of the Common // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 13. № 8. P. 1298–1309.
- Kissmann U. T., van Loon J.* (2019). New Materialism and Its Methodological Consequences: An Introduction // *Kissmann U. T., van Loon J.* (eds.). *Discussing New Materialism: Methodological Implications for the Study of Materialities*. Wiesbaden: Springer. P. 3–18.
- Kivinen O., Piirainen T.* (2006). Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. № 3. P. 1–27.
- Latour B.* (1988). *The Pasteurization of France*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B.* (2013). *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lauer R.* (2019). Is Social Ontology Prior to Social Scientific Methodology? // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 49. № 3. P. 171–189.
- Lawson T.* (2003). *Reorienting Economics*. L.: Routledge.
- Lohse S.* (2017). Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 47. № 1. P. 3–27.
- Luhmann N.* (2006). System as difference // *Organization*. Vol. 13. № 1. P. 37–57.
- Neyrat F.* (2018). *Atopias: Manifesto for a Radical Existentialism*. N.Y.: Fordham University Press.
- Pellizzoni L.* (2015). *Ontological Politics in a Disposable World: The New Mastery of Nature*. Farnham: Ashgate.
- Tsilipakos L.* (2014). Theoretical Procedures and Elder-Vass's Critical Realist Ontology // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 44. № 6. P. 752–773.
- Wan P. Y. Z.* (2011). *Reframing the Social: Emergentist Systemism and Social Theory*. Farnham: Ashgate.

The “Ontological Turn” in the Social Sciences: The Return of Epistemology

Tapdyg Kerimov

Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Chair of Social Philosophy, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: kerimovt@mail.ru

In recent decades, there has been a significant increase in ontological research in the social sciences, the content and direction of which are described as an “ontological turn”. These studies set the formation of a new social ontology as their main goal. The article reveals the basic principles and content of this new social ontology, identifies controversial issues inherent in such

a method of its renewal, and formulates guidelines for the return of epistemology to overcome the undesirable consequences of the “ontological turn”. Criticism of the «ontological turn» and the rationale for the return of epistemology are argued as follows; in the first section of the article, two possibilities of constructing a social ontology are considered, those of the essentialist ontology of mainstream sociology and the “flat ontology” of assemblage. The second section provides a critical analysis of three consequences of the “ontological turn”: the problematization of the idea of the autonomous social; the neutralization of the a priori ontological reasoning of social research; and the denial of the real outside beyond the assemblage. In the third section, the consequences of the “ontological turn” are considered in the context of the current discussion about the role of ontology in the social sciences, which is expressed through the opposition of a priori ontological and instrumental-pragmatic justification of social research. To overcome such consequences, the following guidelines for the return of epistemology are formulated: the “underdetermination” of reality by theories; the epistemological difference between the conceptual reality of an object and its ontological reality; and the equality (covariation) of ontology and epistemology.

Keywords: mainstream sociology, essentialism, flat ontology, assembly, actualism, underdetermination of reality, epistemological difference

References

- Bhaskar R. (2008) *A Realist Theory of Science*, London: Routledge.
- Bryant L. R. (2014) *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda M. (2002) *Intensive Science and Virtual Philosophy*, London: Continuum.
- DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London: Continuum.
- DeLanda M. (2016) *Assemblage Theory*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda M. (2017) Novaja ontologija dlja social'nyh nauk [A New Ontology for the Social Sciences]. *Logos*, vol. 27, no 3, pp. 35–56.
- DeLanda M., Harman G. (2017) *The Rise of Realism*, Cambridge: Polity Press.
- Deleuze G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition], Saint Peterburg: Petropolis.
- Elder-Vass D. (2007) A Method for Social Ontology. *Journal of Critical Realism*, vol. 6, no 2, pp. 226–249.
- Elder-Vass D. (2008) Searching for Realism, Structure and Agency in Actor Network Theory. *British Journal of Sociology*, vol. 59, no 3, pp. 455–477.
- Elder-Vass D. (2015) Disassembling Actor-Network Theory. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 45, no 1, pp. 100–121.
- Elder-Vass D. (2017) Material Parts in Social Structures. *Journal of Social Ontology*, vol. 3, no 1, pp. 89–105.
- Fox N. J., Alldred P. (2017) *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*, London: SAGE.
- Gullinon J. S. (2018) *Diffractional Ethnography: Social Sciences and the Ontological Turn*, London: Routledge.
- Harman G. (2015) *Chetveroobjektnyj objekt: metafizika veshnej posle Hajdeggera* [The Quadruple Object: Metaphysics of Things after Heidegger], Perm: Gile Press.
- Holbraad M., Pedersen M. A. (2017) *The Ontological Turn: An Anthropological Exposition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kemp S. (2005) Critical Realism and the Limits of Philosophy. *European Journal of Social Theory*, vol. 8, no 2, pp. 71–191.
- Kerimov T., Krasavin I. (2020) Ontology of the Multitude and Heterarchy of the Common. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 13, no 8, pp. 1298–1309.
- Kissmann U. T., van Loon J. (2019) New Materialism and Its Methodological Consequences: An Introduction. *Discussing New Materialism: Methodological Implications for the Study of Materialities* (eds. U. T. Kissmann, J. van Loon), Wiesbaden: Springer, pp. 3–18.

- Kivinen O., Piironen T. (2006) Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 36, no 3, pp. 1–27.
- Kuajn U. B. O. (2003) *S tochki zrenija logiki: 9 logiko-filosofskih ocherkov* [From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays], Tomsk: TSU.
- Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2007) Ob interobjektivnosti [On Interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 2, pp. 79–96.
- Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE.
- Latour B. (2018) *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiju* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy], Moscow: Ad Marginem Press.
- Lauer R. (2019) Is Social Ontology Prior to Social Scientific Methodology?. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 49, no 3, pp. 171–189.
- Lawson T. (2003) *Reorienting Economics*, London: Routledge.
- Lohse S. (2017) Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 47, no 1, P. 3–27.
- Luhmann N. (2006) System as Difference. *Organization*, vol. 13, no 1, P. 37–57.
- Neyrat F. (2018) *Atopias: Manifesto for a Radical Existentialism*, New York: Fordham University Press.
- Pellizzoni L. (2015) *Ontological Politics in a Disposable World: The New Mastery of Nature*, Farnham: Ashgate.
- Tsilipakos L. (2014) Theoretical Procedures and Elder-Vass's Critical Realist Ontology. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 44, no 6, pp. 752–773.
- Wan P. Y. Z. (2011) *Reframing the Social: Emergentist Systemism and Social Theory*, Farnham: Ashgate.